

Немирович-Данченко Василий Иванович

Сластеновские миллионы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Сластеновские миллионы / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 416 с.

ISBN 978-5-519-99043-1

ISBN 978-5-519-99043-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сихъ поръ все это видѣлъ на другихъ. Наконецъ и для него насталъ день, когда онъ самъ на себѣ испыталъ систему ея предостереженій. «Хорошо еще, если кончится этимъ!—думалъ онъ.—А то какъ выбросить на улицу?»

Василій Герасимовичъ повернулся къ окну, но и тамъ было не лучше...

Весь окутавшійся въ туманъ, какой-то простуженный, прокисшій петербургскій день смотрѣлъ на него оттуда угрюмо и безнадежно. По стекламъ ползли точно капли холоднаго пота... Сквозь нихъ едва мерещилась стѣна противоположнаго фасада, мокрая, вся въ пятнахъ, будто въ снѣжкахъ и подтекахъ. Сластеновъ даже зажмурился. Открывъ глаза опять, снѣ увидѣлъ себя въ зеркалѣ напротивъ. Безцвѣтное лицо, безцвѣтные глаза. Ничего опредѣленнаго, выдающагося. Все точно сплылось на немъ. Бываютъ такіе неудачные портреты, на которыхъ ничего не разберешь. Только бѣлокурый хохолокъ торчалъ на лбу. Ни одинъ изъ его товарищей не могъ одолѣть соблазна — дерзнуть этотъ хохолокъ, и Сластеновъ до такой степени привыкъ уже къ этой безцеремонности, что только отмахивался головой и недовольно произносилъ: «Ну — оставь!» Впалая грудь, низкія, выдающіяся впередъ плечи, тонкая шея, руки въ веснушкахъ и влажныя—несколько не дѣлали его красивѣе, и дамы изъ меблированныхъ комнатъ, такія же, впрочемъ, худосочныя, какъ и онъ, не обращали на своего ссѣда никакого вниманія.

«Да, скверно... очень скверно!» все еще лежа, проговаривалъ Сластеновъ, вспомнивъ, что и платье у него заложено, и сапоги ѣсть просить. Даже и выйти сегодня не въ чемъ. Прогони его Мина Карловна, куда онъ

дѣнется? Ему стало при этомъ такъ тяжело на душѣ, что онъ закутался въ одѣяло съ головою, рѣшивъ ни за что не отпирать дверь, если дѣвица Бантъ поступится къ нему. «Чортъ бы ее побралъ!.. Не изъ воздуха же мнѣ деньги сдѣлать! И то голодать придется—обѣда-то она сегодня не отпустить. И ожидать печего. Хорошо еще, если у Наплаксина можно будетъ перехватить гривенникъ. Хоть колбасой горло заткнешь! А какъ у него нѣтъ? И чего оретъ этотъ подлець Кимишкіанъ, точно его рѣжутъ: до-ре-ми-фа-соль-фа-ми-ре... до-ре-ми-фа-соль-фа-ми-ре... Псы и тѣ не такъ воютъ... Значить и у него денегъ нѣтъ. А то бы занять хорошо было!.. Нѣтъ, были бы у него деньги, онъ бы не оралъ такъ съ утра!.. Примѣта-то вѣдь вѣрная. Я его знаю!»

Дѣло въ томъ, что готовившійся у Элеоноры Убонной въ «Мазини», необыкновенно тупой, но упорный, армянинъ Кимишкіанъ былъ настолько же лѣнивъ, насколько жаденъ. Его аппетитъ, какъ и его горло, оказывались одинаково неимоверны. Варданъ Карапетовичъ никогда не ѣлъ досыта. При деньгахъ онъ лежалъ на диванѣ и смотрѣлъ въ потолокъ сладкими глазами. Безъ денегъ—онъ попадалъ въ руки къ пѣвицѣ изъ чешекъ, открывшей въ немъ необычайный теноръ и задумавшей сдѣлать себѣ рекламу, создавъ изъ него второго Мазини. Заставить его въ такихъ случаяхъ работать можно было, показавъ ему въ перспективѣ бифштексъ. Онъ только дѣловымъ тономъ освѣдомлялся: «съ картофелемъ?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, начиналъ орать, какъ бѣшенный, повторяя гаммы и сольфеджіи до того, что его и безъ того красный носъ наливался весь кровью, а толстыя чувственные губы изображали жерло

трубы іерихонской. Онъ жилъ, такимъ образомъ, выработывая за бифштексъ верхнія ноты и доводя до отчаянія своихъ сосѣдей... «Да, у Кимишкіана тоже вѣроятно нѣтъ денегъ! — соображалъ Сластеновъ, прислушиваясь къ его оранью.—Что же я дѣлать буду!...»

И ему стало невыразимо жалко самого себя. Такъ жалко, что онъ готовъ былъ заплакать въ это тусклое нерадостное утро.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, проклятая жизнь! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, ему приходилось биться изъ-за куска хлѣба, околачиваться собственными боками обо всѣ углы суровой дѣйствительности. Она никогда не баловала его до сихъ поръ. Ни улыбки, ни просвѣту. Въ какомъ-то однородномъ сѣромъ туманѣ, онъ и самъ сталъ сѣрымъ, безцвѣтнымъ. Несмотря на двадцать два года, глаза его не загорались яркимъ пламенемъ, румянецъ не проступалъ на его блѣдныхъ щекахъ. Онъ такъ и жилъ безъ увлеченій и порывовъ, кислою, затхлою жизнью петербургскаго грамотнаго пролетарія, не видящаго ничего внѣ своихъ мебелированныхъ комнатъ, воспитывая мстительные образы въ болѣзненно настроенномъ воображеніи и въ то же время зная, что у него не хватитъ ни силы, ни воли перенести когда-нибудь эти образы въ жизнь...

Въ самомъ дѣлѣ, для него никогда не было «лучшихъ» временъ.

Отецъ его, богатый московскій фабрикантъ, родился ко дню его рожденія. Василий Герасимовичъ впервые увидѣлъ бѣлый свѣтъ въ тотъ самый день, какъ въ громадной залѣ его почтеннаго родителя происходилъ аукціонъ. Во избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ, «сраму», какъ говорятъ въ Москвѣ, семья его должна

была перебраться въ Петербургъ. Маленькой пенсіи, высылавшейся родными, не хватало на ея содержаніе. Васька, въ этой семьѣ безалаберной, непривыкшей къ нуждѣ, росъ, какъ растеть трава въ полѣ. Польеть дождикомъ — она оправится; ударить солнцемъ въ засуху — мочалится, желтѣеть, сохнетъ, — вѣтеръ ее клонить, тяжелыя копыта къ землѣ прибиваютъ. Заботиться о немъ было рѣшительно некому. Отецъ его все продолжалъ считать крупными цифрами. Онъ не могъ взяться за маленькое дѣло, а занимался «прожектами» отъ милліона и выше. Сидя въ петопленномъ кабинетѣ и кутаясь въ облысѣвшую и слѣденную молью шубу, онъ мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было взять на себя отъ морского министерства постройку броненосцевъ—милліонъъ этакъ на двадцать... Или купить всю Пушкинскую улицу и разбить ея дома на маленькія квартиры. А то открыть въ окрестностяхъ Петербурга какіе-нибудь чудотворные минеральные источники отъ всѣхъ солѣзней сразу и нажить на нихъ милліонъ, а на этотъ милліонъ устроить общество страхованія отъ неурожаевъ, перепродать его американцамъ, а самому забрать въ руки китовыя ловли въ Сѣверномъ океанѣ, варить тресковый жиръ на Мурманѣ, да, пожалуй, ужъ заодно зацанать и бакинскіе нефтяные промыслы. И онъ съ блаженнымъ лицомъ бралъ въ руки карандашъ и считалъ: сколько всѣ эти предпріятія могутъ принести ему. Единицы съ безчисленными нулями какъ солдаты вытягивались передъ нимъ ровными шеренгами, онъ ихъ сдвигалъ и раздвигалъ, слагалъ, вычиталъ, множилъ и дѣлилъ, и сладко вздыхалъ, подводя итоги, напоминавшіе скорѣе цифры астрономическихъ таблицъ. Приходилъ онъ въ себя, точно просыпаясь,

когда на порогѣ появлялся, какъ призракъ Банко, мохнатый и шершавый дворникъ, съ требованіемъ пятнадцати рублей за квартиру. «Вотъ, погоди еще... Завтра беру подрядъ на поставку сѣна во всѣ гвардейскіе полки». Онъ говорилъ это съ такой увѣренностію, что самъ немедленно убѣждался въ дѣйствительности своихъ иллюзій. «На кавалерію и на пѣхоту... Всѣ болота подъ Петербургомъ сниму. Проведу каналы—высушу... Тамъ, братъ, такое сѣно у меня будетъ—ты еще и не видалъ такого. Всю Европу завалю имъ. Мало развѣ у насъ болотъ-то?.. Подъ ногами миллионы лежатъ, а намъ вишь нагнуться да поднять ихъ трудно. Дураки этакіе!» Ополоумѣвшій дворникъ уходилъ, а Сластеновъ-отецъ уже рассчитывалъ, гдѣ ему нанять квартиру—въ Сергіевской или на Дворцовой набережной... Въ Сергіевской тихо и спокойно... зато на Дворцовой—аристократы и *la haute finance*! Мысленно онъ выбиралъ коляски у Вернѣ въ Парижѣ, заказывалъ обивку ихъ, заводилъ лошадей, объѣзжалъ для этого заводы Орлова, Стаховича, браковалъ безчисленныхъ жеребцовъ, выбиралъ кучера погорластѣе и помордастѣе, отбивалъ у яхтъ-клуба повара, и, глотая какую-то безцвѣтную жижицу (вчерашній, разбавленный сегодня, картофельный супъ), давалъ отвлеченному повару про себя наставленія: «Ты, братецъ, сдѣлай мнѣ тортю. Толкнись на биржу: туда, говорятъ, вчера Колчину черепахъ привезли. А не найдешь—такъ стерляжью уху съ налимьими печонками... Только, смотри, чтобы у меня не уха, а янтарь былъ, слышишь?.. А потомъ разыщи мнѣ хорошее «козье-сѣдло», да не такое, что въ ресторанахъ даютъ. Само должно во рту таять...» Онъ приходилъ въ себя только тогда, когда на него

набрасывалась жена, требовавшая полтинника на по-
чипку Васькиной обуви. «Срамъ — ребенку въ школу
нельзя показаться.. Аспидной доски не на что ку-
пить». — «Полтинникъ?.. Какой полтинникъ?» — спускался
съ облаковъ фабрикантъ. — «Какъ какой? — кричала
жена, — обыкновенно, какіе полтинники бываютъ? Ты это
видишь?» и прямо къ его носу подставляла протертыя
подолы и разинутыя носки сыновѣхъ сапожонковъ.
Впрочемъ и она сама оказывалась безсильною въ борьбѣ
съ жизнью. Въ свое время ея семья тоже разорилась, и
Сластеновъ-отецъ женился на ней, на безприданницѣ, за
«красоту», какъ говорили въ Москвѣ. Она выросла на
всемъ готовомъ, замужемъ заботилась только объ одномъ:
какъ бы ей скорѣе войти въ тѣло и изумить своихъ
подругъ необыкновенными шляпками отъ Минангуа, спе-
ціально заказывавшей ихъ въ Парижѣ для Якиманки,
Ордынки и Таганки. Разореніе она встрѣтила разинувъ
ротъ и ничего не понимая. Такъ онъ у нея и оставался
разинутымъ до сихъ поръ. «Съ чего бы это: сколько
было, а теперь нѣтъ?» читалось въ ея глазахъ наивное
удивленіе. «Ахъ Ты, Господи милостивый!...» Заполучивъ
отъ родныхъ на праздники нѣсколько рублишекъ, она
забывала и Васькины разорванные сапожонки, и необхо-
димость обѣда на завтра, а шла въ Гостиный дворъ и
покупала себѣ шляпку съ птицей, а потомъ въ Милю-
тиныхъ лавкахъ забирала бѣлевской пастилы, вишневаго
варенья, винныхъ ягодъ, абрикосовскую соломку, марме-
ладъ, клюкву въ сахарѣ и вяземскихъ пряниковъ. Цѣ-
лый вечеръ, сидя за самоваромъ, она рассказывала со-
сѣдкѣ, обыкновенно отставной чиновницѣ, какой у нихъ
въ Москвѣ былъ невѣроятный жеребецъ и какъ онъ дер-
жалъ на бѣгу хвостъ пистолетомъ, прозывали его «Тигрой»,

и бывало по Кузнецкому онъ такъ снѣгъ раскидывалъ, что, въ утѣшенію ея купческаго сердца, всѣ прохожіе вслѣдъ ей ругательски ругались. За «Тигрой» слѣдовали платья: малиновыя съ золотомъ и желтыя съ серебромъ. Гостя, съ благоговѣніемъ погружаясь въ эту описательную часть, млѣла, ахала, подымала обѣ ладони кверху, точно защищаясь ими отъ какого-то нестерпимаго блеска, и замирала въ священномъ ужасѣ, когда дѣло доходило до фабрики съ тремя «тыщами» народу и четырьмя настоящими, живыми англичанами изъ иностранныхъ земель, «которые по-нашему только свистать да браниться умѣли». Васька, сидя за тѣмъ же столомъ и набивая себѣ животъ союною пастылю, сонно моргалъ глазами и, пропуская маминъ рассказы мимо ушей, заботился только объ одномъ: будутъ ли его завтра драть за невыученные сегодня уроки? Все, что для его родителей было дѣйствительностью, хотя бы въ прошломъ—богатство, почетъ, счастье, блескъ, беззаботная жизнь, жеребцы съ пистолетами вмѣсто хвостовъ, шляпы съ такими птицами, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ—ему казалось сказкой далекой и несбыточной, особенно послѣ одного случая.

Разсказъ своей матери о пистолетѣ вмѣсто хвоста онъ принялъ было буквально—и сдуру сообщилъ въ школѣ о жеребцѣ именемъ «Тигра», стрѣлявшемъ въ прохожихъ хвостомъ. Товарищи, возмущенные столь невероятнымъ чудомъ, отдули его на обѣ корки, — и Васька, усвоивъ себѣ немедленно трезвенное направленіе, навсегда расстался съ иллюзіями. Часто, когда расфантазившійся отецъ говорилъ ему: «А тебѣ, Васька, я куплю маленькую золотой масти лошадку»,—сынъ вдругъ совершенно пекстати замѣчалъ:—«Нѣтъ, а то еще гор-

бунки такіе есть, которые, знаешь, подь облаками. Только, я думаю, страшно это: коверъ-самолетъ лучше— на немъ сидѣшь и ничего не видишь, если зажмурьшься. Ты ужъ мнѣ вмѣсто лошади коверъ-самолетъ, который...» И, опершись подбородкомъ на ладони, дитя пристально смотрѣло въ огонь нагорѣвшей свѣчи, разсуждая мысленно: «Какъ это глупо, что въ жизни нѣтъ ни горбунковъ, ни жаръ-птицъ, ни тигровъ съ пистолетами, ни Иванушекъ-дурачкѣвъ, которые оказываются хитрѣ всѣхъ умниковъ». Маминны тигры и папинны повара со стерляжьей ухой—относились въ его мнѣніи къ тому же разряду явленій, къ которому принадлежали и сказочные царевичи съ подоблачными и заоблачными горбунками. Гимназію Васька прошелъ съ грѣхомъ пополамъ. Время было тогда не строгое—и спѣ попалъ въ университетъ. Но тутъ, неожиданно-негаданно, не осушивъ ингерманландскихъ болотъ, не скуливъ Пушкинской улицы и не основавъ общества страхованія отъ неурожаевъ, умеръ его отецъ... Бѣднягѣ не удалось даже поставить сѣно на гвардейскіе полки—какъ его самого уложили въ бѣдный сосновый гробъ, а на Василя Герасимовича надѣли трауръ... А вскорѣ и мать, которой не стало чѣмъ жить, уѣхала въ Москву къ роднымъ. Черезъ годъ онъ получилъ извѣщеніе о ея смерти. Сластеновъ остался на произволь судьбы—одинъ среди чуждаго ему Петербурга. Онъ написалъ было въ Москву, къ роднымъ, которыхъ зналъ только по имени, но отвѣта не получилъ. Университетъ пришлось оставить. Началась настоящая борьба съ голодомъ и жестокосердыми хозяйками меблированныхъ комнатъ; какая-то безотрадная полоса вѣчныхъ будней съ уроками на Пескахъ (десять рублей въ мѣсяцъ), перепиской бумагъ (двугривенный за листъ), праздниками

въ видѣ неожиданно-негаданно заработанной лашей пятерки... «Вы не родственникъ ли московскихъ Сластеновыхъ? милліонеровъ?..» — «А чортъ ихъ знаетъ!—обыкновенно отвѣчалъ онъ, мало заботясь объ этомъ.—Я писалъ къ нимъ когда-то, только ни шиша не получилъ! У отца тамъ былъ кто-то! . А впрочемъ, можетъ быть и не было... Не разберешь!...» На этомъ онъ и успокоивался. У Мины Карловны Бантъ онъ уже жилъ полтора года, но еще никогда ему не приходилось такъ туго, какъ сегодня. Недѣлю назадъ онъ лишился урока въ Коломнѣ; адвокатъ, дававшій ему переписывать бумаги, уѣхалъ въ провинцію,—оставалась одна надежда на Сергѣя Ѳедоровича Нешумова. Тотъ жилъ въ этихъ же нумѣрахъ, писалъ фельетоны въ «Газетку для всѣхъ» и получалъ за нихъ по полторы копейки за строчку, да и то не всегда. Нешумовъ мечталъ о своей газетѣ съ цѣлью перевернуть общество. А пока тоже жилъ впроголодь, дома ходилъ въ невѣдомо откуда доставшейся ему женской кацавейкѣ и, обѣщая Сластенова пристроить секретаремъ въ «Газетку для всѣхъ», дергалъ его за хохоль и говорилъ: «Эхъ, ты... шись ты этакой!»

«Однако, этакъ и бока пролежишь!» сообразилъ, наконецъ, Сластеновъ.

Онъ всталъ, босикомъ подошелъ къ двери и прислушался... Ничего угрожающаго пока не оказывалось. Кнмишкiанъ въ чаяніи бифштекса вырабатывалъ верхнія ноты, пѣвица изъ чешекъ неистово терзала фортепіано... Буреломовъ успокоился. Мины Карловны не было слышно... Сластеновъ надѣлъ сапоги. Набросилъ на себя легкій лѣтній гавелокъ (*крылатку*—на мѣстномъ аргѣ)—замѣнявшій ему пока все остальное платье,—тѣмъ болѣе удобный, что изъ-подъ него ничего видно не было. Съ

сильно бьющимся сердцемъ пріотворилъ дверь, высунулъ голову, пуганымъ зайчикомъ повернулъ ее вправо и влево... Дѣвица Бантъ, очевидно, отсутствовала... Прождавъ еще двѣ-три секунды, Сластеновъ призракомъ, затая дыханіе, мелькнулъ по корридору черезъ двѣ двери въ третью—и, только очутившись у Напласина, пришелъ въ себя...

— Фу ты... чортъ возьми!.. Я думалъ, что ужъ и не доберусь къ тебѣ!

Едва отдышался онъ, садясь въ кресло къ столу.

Тимоеей Арсеньевичъ Напласинъ былъ тутъ же. Онъ, точно исполняя разъ навсегда заведенный церемоніаль, дернулъ Сластенова за хохолъ, при чемъ тотъ только мотнулъ головой. Напласинъ спросилъ его, удивленный его растеряннымъ выраженіемъ лица и необычайнымъ даже и для Сластенова костюмомъ:

— Ну, чего ты?.. точно дроздъ въ кустахъ... Ты видалъ, какъ дрозды падаютъ въ кусты?.. а?.. Что съ тобой?

— Прячусь. Самъ, кажется, видишь—чего еще тутъ... Поневолѣ приходится.

— Отъ Мины Карловны?

— Да... Эти дни она такъ ко мнѣ пристала—страсть... Точно я ей изъ ничего денегъ могу добыть.

— Не топить?—догадывался тотъ. Очевидно, все это было въ порядкѣ вещей и ничьего удивленія не возбуждало.—А вьюшекъ еще не вынимала?

— Сегодня вѣрно выпеть. У нея все постепенно...

— Дѣло, братъ, плохо!..—сочувственно уставился на него Напласинъ, при чемъ его рука опять потянулась къ хохолку Василія Герасимовича, но на полдорогѣ онъ остановился.—Жрать хочешь?